

ПРОЕКТ "КОВЧЕГ"

ПАВЕЛ ВОПЧЕНКО

Павел Николаевич Волченко

Проект «Ковчег»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68956152

SelfPub; 2023

Аннотация

Долгий-долгий полет – спасение с гибнущей планеты, колонизаторы с Земли. И случилось... На борт попало нечто. Что будет дальше?

Павел Волченко

Проект "Ковчег"

Последнее, что ему снилось – мертвая земля. Выжженная, выгоревшая, и цепочка тяжело переваливающихся вездеходов, на которых они, обитатели убежищ, колесили по дороге, усталой пеплом, так похожим на грязный снег. Ехали, взметая облака пепла, чтобы успеть, успеть отчалить с этого утлого, побитого метеоритным роем шарика планеты. Может быть можно было и остаться, восстановить свой дом, свою колыбель, если бы не известность о приближающемся астероиде, которому даже Церера, со своими девятьсот пятидесятью километрами в поперечнике, в подметки не годилась. Надо было бежать, улетать, спасаться. Проект «Ковчег»: в него вложилась вся Земля, все те малые остатки человечества, выжившие после первых ударов метеоритного роя. 2126 год стал последним для человечества на Земле. Год выхода из своей колыбели, год, когда с Земли взметнулись в черноту космоса двадцать четыре «Ковчеха», по числу известных, найденных протопланет, и ушли навсегда, оставив свой дом на поругание астероиду судного дня.

Он открыл глаза, проснулся.

Вместо ожидаемой белизны, залитой электрическим све-

том, черный, опаленный огнем, потолок в красноватом отсвете аварийного освещения. Андрей чувствовал себя отвратительно, жутко. Одновременно хотелось блевать, спать, ломило кости, болели глаза, болело все, но самая страшная боль – это головная. Башка попросту раскалывалась.

Уселся, за что поплатился еще одной порцией головной боли. Огляделся по сторонам. Два ряда таких же камер, как и его, только все эти камеры – разбиты, именно что разбиты, и медицинский бот раскуроченный, со вскрытой нутрянкой, с вывалившимися проводами, свесил массивную квадратную голову.

Перевалился через борт, едва не упал, с трудом устоял на ногах. Откинул лючок на боку капсулы, достал оттуда пару пилюль, пластиковый пакетик с водой разбавленной глюкозой. Закинул пилюли в рот, выдавил, выпил воду из пакета – она была сладкой. Теперь полегче, головная боль начала отступать, стало проще мыслить, думать, понимать происходящее.

Его криоотсек был развален от души. Разбитые капсулы, развороченная механика кругом, какие-то панели вывернутые с корнем, висящие на утлых проводах, как будто прошелся тут сумасшедший с кувалдой. В углу кучей металлолома валялся раздолбанный в ничто универсальный автоматический бот. Его, казалось, не только хотели сломать, а просто – разнести в клочья, смять, уничтожить. Над ним, на свернутом кронштейне, висела развороченная в труху камера на-

блюдения, поблескивала в красном свете вывернутая линза объектива.

Подошел к одной из разбитых капсул: стекла внутри, и кровь, много крови. Но эта кровь была давно-давно, она уже не то, что высохла, она впиталась в обивку, почернела, и стала просто пылью. Похоже то, что случилось с ее обитателем, случилось давно, много лет назад, если не десятилетий. Подошел к другой капсуле – то же самое.

– Нда... – протянул тихо, голос был сиплый, слабый. Подошел к шкафам, которые тоже были большей частью измяты, искорежены, некоторые вывернуты, разваленные. Подошел к своему. Относительно целый. Приложил ладонь к панели, та пикнула, сферическая дверца откатилась в нутро стенки. Из шкафа достал комбез, ботинки, из глубины шкафа, из под комбеза, малый нарукавный коммуникатор. В первую очередь он. Нажал на кнопку общего вызова, сказал сипло:

– Есть кто живой? Говорит штурман команды Г 12, Андрей Анатольевич Либерман.

Шипение эфира. Щелчки. Тишина, нет ответа. Очень хотелось верить, что просто коммуникатор сдох.

Оделся, зашнуровался, нацепил на запястье коммуникатор.

После заглянул в нутро развороченного шкафчика неподалеку. Там должен был быть такой же набор. Не повезло: все изорвано, разбито, разве что ботинки относительно це-

лые, а вот коммуникатор: его осколки, на дне шкафчика – стекла, мелкое крошево пластика, треснувшая микросхема.

У выхода из отсека подобрал с пола вырванную откуда-то трубу. Увесистая, но очень даже ухватистая, хорошо легла в руки. Вдохнул, кто знает, что ждет там, в коридорах, и приложил ладонь к панели открытия дверей, та не среагировала, даже не пискнула.

Наверное потому его капсулу и не тронули. Выдрали с мясом колонистов из капсул, тепленьких, спящих, его пропустили почему-то – оставили на потом. А потом – вот, заблокировало отсек. Скорее всего накрыли банальный кабель. Все крушили. Кабель тоже попал под раздачу.

Взгляд наверх: потолок высокий, вон, чернеет решетка вентиляции – не допрыгнуть. Подтащить что? Подпрыгнуть и... даже от одной мысли замутило, рот наполнился горькой слюной. Плохо еще, очень плохо после пробуждения.

Снова поднес коммуникатор к лицу:

– Это я, Андрей Либерман, я заблокирован в отсеке команды Г 12. Панель накрылась. Думаю как выйти. Если есть, кто живой, буду рад совету. На связи.

И снова шипение эфира, будто ожидающее, снова щелчок, будто там, где-то, кто-то услышав его слова еще немного повисел на канале связи, а после – отключил трансляцию. Тишина в эфире. Огляделся, посмотрел, что бы можно пододвинуть к стене: капсулы – не сдвинуть, остатки ботов – ненадежны, шатки. С интересом глянул на перфорирован-

ные плитки пола, может там тоже можно пролезть, может коммуникации какие-то, проползти и...

Пикнула панель на двери, вспыхнула зеленым светом, створки входа отсека с шипением разошлись в стороны.

Андрей отскочил, едва на задницу не бухнулся, устоял на открывшийся проход. Значит его кто-то слышит, значит есть кто-то живой, только вот молчит... почему?

С опаской выглянул за створки: длинный коридор, трубы вдоль стенок тянутся, иногда слышится тихий, отдаленный треск, будто где-то что-то коротит. Освещение тоже – аварийное, красное, тусклое. У стены коридора, прямо под трубами, протянувшимися до самого поворота и убегающими за него, что-то валяется. Что – не разобрать. Может снова разбитый в хлам бот.

Перехватил трубу поудобнее, вышел. Под ногами хрустело мелкое крошево, чернели пятна, скорее всего, такая же в пыль высохшая кровь. Как и в отсеке, в капсулах. Створки с шипением сошлись за спиной, и, мгновение назад светящаяся рабочая панель, вновь погасла, отключилась.

– Твою ж... – тихо, шепотом, выругался Андрей, испугавшись этого неожиданного звука. Крадучись подобрался к куче под трубами, глянул – не бот. Тело, уже давно истлевшее, замумифицированное, ввалившаяся, натянутая кожа, на пальцах, вон, сошла – торчат кости фаланг. Под и рядом с телом чернота – истлевшая кровь.

Поднес коммуникатор к губам, зашептал:

– Если вы меня слышите... – сглотнул, – что случилось?

Куда идти?

Звук, похожий на тяжелое дыхание, шипение, щелчок. Ладно, открыл двери – и то хорошо. Пускай в молчанку играет, лишь бы помогать не забывал.

Ткнул трубой мертвеца, сухой шелест, кожа ссыпалась с мертвеца, как песок. Куда? Лучше к капитанскому мостику. Или в кают компанию – по пути к тому же. Оттуда попробовать связаться.

Андрей надеялся, хотел верить в то, что бояться уже нечего. То страшное, что тут произошло, судя по состоянию тела, по черной пыли крови в капсулах – произошло очень давно. Все это должно было закончиться, очень давно должно было закончиться. Только... Страх все равно не отступал, он то и дело ловил себя на ощущении холодка на загривке, чувстве, будто за ним кто-то наблюдает.

Череда поворотов, закрытые двери, такие же темные, как в его отсеке, панели доступа, и то там, то здесь или мертвецы, или кровь, или разбитые боты. Развороченные стены, панели, коммуникации, один раз отпрыгнул в сторону, когда из надорванной трубы, дохнул стон – видать пневматика. Воздух стравился... Кое где торчали из коробок рваные провода, кое где – искрились. И тихо, настолько тихо, что остановись – услышишь стук своего сердца, а в дыхании своем, покажется какой-то шорох, легкий шум шагов позади, за спиной, и глаза тоже торопятся обмануть, в тенях, в сумрачном крас-

ном свете, в его легком, едва заметном подрагивании, видят то – чего нет.

Свернул за поворот, тут по прямой коридор должен был упираться в кают компанию, и тут же бросился обратно, задышал не глубоко и часто. За поворотом кто-то стоял. Вдалеке, в конце, у самого шлюза кают компании, замер длинный, тощий, сгорбленный силуэт. Выглянул, пригляделся. Да, стоял. Спиной к нему. Неподвижный, и какой-то весь обвисший, вытянувшийся и в то же время ссутулившийся. Занырнул обратно за угол. Прошептал в коммуникатор:

– У каюткампании кто-то есть? – на что надеялся. Тишина. Все тот же тихий шепот помех.

Выглянул снова. Силуэт был все так же недвижим, будто даже и не дышал.

– Эй, – тихонько подал голос, – вы там... как?

Никакой реакции, никакого движения. И тишина, больше всего убивала тишина.

Вышел, замер, вглядываясь вперед, перехватил поудобнее трубу, крикнул.

– С вами все в порядке? – тишина. Молчание. Недвижность. Все же как плохо, что так скудно светит аварийка, не понять что там и как.

Осторожно, крадучись, не отрывая взгляда от стоящего, пошел. Под ногами хрустели обломки пластика, поскрипывало стеклянное крошево, силуэт не двигался. Чем ближе, тем больше различалось деталей: спиной к Андрею, сгорб-

ленный, в комбезе обтрепаншемся, вытянутый, головы не видно, вперед свесилась, и... Андрей остановился. Ноги не достают до земли, висит, вон, тоненько шнур от потолка протянулся к шее. Мертвец. Повешенный.

Подошел ближе, толкнул трубой. Тело медленно развернулось на шнурке: высохшее, такое же мумифицированное, как и тот, в коридоре, весь какой-то длинный, комбез на нем измочаленный, рваный, под телом, на полу, коммуникатор, видать свалился с иссохшей руки. Было начал нагибаться, чтобы подобрать, и тут же отскочил, тело упало на пол, голова откатилась в сторону. Сколько он тут висел, что так иссохся, что хватило только одного этого легкого касания, для того, чтобы не выдержала истлевшая шея и вот... Перед Андреем петля из черного шнура, а на полу – хлам тела.

Обошел останки, заглянул в маленькое оконце на двери каюткомпания – ничего не видать, окно замазано чем-то. Панель у двери горит красным светом. Приложил руку, пиликнуло, кают кампания распахнулась, и Андрей замер на входе, так и не перешагнув порога.

Она была завалена телами. Такими же древними, такими же истлевшими. Казалось, что тут, была бойня. Разметано все: тела разорванные на части, то рука, то искореженный торс, то голова пялится пустыми глазницами на иссохшем черепе, комбезы в клочья, пол был черен от пролитой когда-то давно крови. Холодильники, камеры, шкафы – все было выпотрошено, раскидано, в воздухе стояла взвесь тонкой

пыли с едва уловимым металлическим запахом – потревожило открытием двери. А металлический запах пыли – это запах крови. Как же тут воняло бойней, когда все это случилось...

Андрей сглотнул, сделал шаг, все одно дорога к лифтам пролежала через кают компанию, нагнулся, подобрал кухонный нож с пола, сунул за пояс комбеза, еще раз нагнулся, поднял с пола оторванное запястье, снял с него коммуникатор, сказал:

– Меня слышно? – нет ответа. Этот даже не шипел. Отбросил в сторону.

Прошел через кают компанию, отер окошко от черного налета, бывшего когда то кровью, выглянул наружу. Длинный коридор, залитый красным аварийным освещением, белые всполохи поодаль, там наверное тоже что-то коротит. Никого нет. Пустой, долгий, длинный коридор. Уже отворачивался, уже собирался приложить руку к панели, как показалось, краем глаза увидел, будто там, в том коридоре, в самом конце его, мелькнуло что-то. Тень из края в край метнулась, голову вскинул, но нет – не успел. А может и не было ничего.

Стоял, ждал, всматривался до рези в глазах, долго. Все же набрался храбрости, приложил руку к панели, шлюз с шипением распахнулся, снова вспугнув тонкую взвесь пыли.

Лифтовая площадка, от которой можно было подняться на средний, командный ярус, уже не далеко. Это уже админи-

стративный коридор палубы – служебный. Тут были рабочие отсеки: медотсек, технический, всякие учетные и прочие, в которых должны были отмечаться колонисты по прибытию на протопланету. Я такой-то такой-то пришел в норму, готов к несению тягот работ на новом месте, в новом мире...

Андрей шел не уверенно. До цели то осталось всего ничего, вот только эта тень... Считай пройти до упора прямо, поворот, и вот уже огромная лифтовая площадка. Правда, конечно же, еще тот вопрос – работают лифты или нет, но это уже там, и... Громко ухнулось что-то железное эхато, звук пробежал до захлопнувшихся дверей шлюза кают компании и, отскочив обратно, ударил в спину. Андрей остановился, перехватил трубу поудобнее, зашептал в коммуникатор:

– Тут кто-то есть, – нет ответа, только вот теперь он точно услышал – дыхание, кто-то там был, слышал его, и, почему-то, выжидал.

Шажок вперед, еще шажок. Может попытаться заскочить в какой из отсеков? Вон их сколько – один за другим по стенам коридоров. И панели все рабочие, горят красным – закрыты, но рабочие. Может и откроются.

Шагнул в сторону, к ближайшему шлюзу, приложил руку. Неприятный звук отказа. Ну и правильно, нет доступа по биометрии. Еще шажок вперед, еще... может просто где-то, что-то от древности, от времени отвалилось. А он... Не-е-е. Надеяться одно, но лучше побояться лишний раз. Тихий скрежет то ли от стен, то ли из под потолка. Андрей замотал

головой, заголошно, скоро пытаюсь охватить взглядом все и сразу, но постоянно казалось, что вот, только обернется, а оно – что-то, звук этот – уже за спиной.

Еще несколько шагов, прислушиваясь, оглядываясь, вглядываясь в красноту аварийного освещения с этими противными белыми всполохами искр из панели какой-то вскрытой, что у поворота.

Еще несколько шагов и... Шипение? Сипение? Показалось? Нет? Замер.

Черт, уже почти дошел, уже почти добрался до поворота... Ладони уже вспотели, труба в руках казалась скользкой. Несколько шумных ударов сердца в ушах, облизнул губы, шаг вперед, едва слышный шум вверху, над головой. Андрей успевает отпрыгнуть назад и решетка вентиляции под потолком с громким лязгом, глухим ударом выстрелила вперед и, в след за ней, с ней вместе, из тьмы вентиляционной шахты рывком, прыжком, вылетело белое длинное, размазанное в своем скором прыжке. Бахнулось перед ним на четыре лапы с этакой грацией то ли кошки, то ли хищной ящерицы и тут же бросилось вперед!

Он только успел выставить трубу перед собой, и удар! Он повалился на спину, пасть твари в сантиметрах от его лица лязгнула зубами об металл, дыхнуло ему в нос страшным смрадом гнилого мяса, тухлятиной.

Тварь глодала трубу, вцепилась в нее когтистыми, длинными пальцами, пытаюсь вырвать, отбросить в сторону. Хва-

танул из-за пояса нож, всадил твари в бок. Та взвыла, качнулась назад, и Андрей спихнул ее с себя, с шипением распахнулся шлюз за спиной и он, загребая руками, ногами, не оглядываясь вполз-влетел туда, в открытый отсек. Тварь ринулась вперед, но опоздала, глухо ударилась о сомкнувшиеся створки шлюза.

Андрей вскочил, усталился в окошко на двери шлюза. Тварь с той стороны замерла. Ее движения были какими-то змеиными, плавными, обрубок плоского носа подрагивал, будто она принюхивалась. И была она какая-то... длинная, белая, вся какая-то вытянутая, остро торчащие суставы, выпирающие ребра, длинные когти на пальцах, лысая... голова как облезлая, и еще... морда хоть и вытянутая, измененная, но это же раньше было человеком! Только теперь это больше похоже на паука, на хищника, на... тварь.

– Живой? – раздалось из коммуникатора. Андрей, едва не заорал, оглянулся по сторонам.

– Живой? – снова голос из коммуникатора на руке.

– Живой, – Андрей кивнул, будто собеседник мог его видеть, а после поднял голову, над входом поблескивал объектив камеры, значит видит, и тут же закричал зло, – Это что там за херн...

– Тихо! – из динамика голос, – Меня слушай.

– Да, – Андрей унял злость, – говори.

– Ты в оружейке. Неплохое место в таких то обстоятельствах.

– Не спорю, – зло процедил Андрей, глянул по сторонам. На оружейку, в его представлении, отсек не был похож. Кабина цилиндрическая какая-то, прозрачная, посерединке стоит, встроенные шкафы, по типу тех, что были у них в отсеке для личных вещей, пара белых столов, четыре стула. И никаких полок с развешанным оружием, никаких пирамид для автоматов или еще чего. Обычный отсек, – Сюда бы еще и взвод солдат.

– Мечтать не вредно. Да, допуска у тебя все равно нет.

– А у тебя? У вас... Вы?

– Ты. Проще на ты. Я капитан, – смешок, – этой посуды. Один из. Дежурный короче. Джек. У меня то допуск к шкафам есть – не беспокойся, вот только... – вздох, – Ты раздевайся и лезь в кабину, – и дверь той самой кабины беззвучно провернулась вокруг оси раскрывая вход.

– Зачем?

– За надо, – в голосе Джека звучало раздражение, – У меня к тебе, Андрей Анатольевич Либерман, штурман команды Г 12, колонист номер В 642, группы высадки А 46 – веры нет ни на цент.

– И что это значит? – спросил Андрей, уже скинувший ботинки, расстегивая молнию комбеза, – или... – он испуганно примолк, торопливо стал оглядывать свои руки, ощупывать лицо, – оно... оно могло меня инфицировать? Заразить?

– Успокойся. Это так больше не работает, – послышался смешок, потом Джек закашлялся, – так было сначала. И то,

там процесс был не так что куснули и кранты. Но что-то похожее, да, что-то похожее было. Сейчас этот этап уже пройден... – пока он говорил, Андрей уже разделся, стоял в одних трусах, – трусы тоже снимай, – смешок, – стесняешься? Могу камеру отвернуть.

– Похер, – стянул трусы, зашел в камеру.

Прозрачная дверь закрылась, отрезав его от мира, сначала круглые стенки ее стали черными, матовыми, потом яркий свет, ощущение скорых уколов по всему телу, гудение, и тишина. И снова стенки стали прозрачными, беззвучно откатилась в сторону дверца.

– Все?

– Все, выходи, одевайся, – голос у Джека был напряженный, и чуть отстраненным. Будто сейчас у него не было времени на Андрея.

– И что? Ты меня там в базу внес или что?

– Жду результатов, помолчи пока.

Андрей одевался резко, порывисто. Джек его бесил. Хоть бы рассказал что... Строит тут уйму загадок, тайн и глобальных мистических секретов.

– Готово! – голос Джека был по-настоящему радостный, даже Андрей, хоть и психовал, хоть и боялся этих результатов, но тоже едва заметно улыбнулся от этого радостного восклицания. Тут же один из шкафчиков на стене пиликнув откатил свою белую дверцу в сторону, – Угощайся. Бери все.

– Ну? Теперь-то можешь сказать, что вообще происходит?

– Происходит то, что у нас на ковчеге завелись паразиты.

– Я не слепой, – зло буркнул Андрей, – Меня на что про-
верял?

– Вкратце. Сверка с твоей ДНК, наличие лишнего в орга-
низме. Всё.

– И зачем такая машинка в простой оружейке, – ехидно
поинтересовался Андрей.

– Проектировщики ковчегга страдали паранойей. Как ви-
дишь, не зря, – констатировал Джек.

– Дальше что?

– Я знаю только одно безопасное место. Моя рубка. Сюда
им не пролезть.

Андрей уже перекинул через плечи ременную сбрую, при-
ладил к ней кобуру, вибронож в ножнах прицепил, повесил
на грудь фонарик. Достал из шкафа маленькую капельку, по-
хожую на наушник.

– В ухо. Правильно понимаешь, – подал голос Джек.

Андрей вставил каплю в ухо, и тут же коммуникатор за-
молк, голос Джека уже раздавался из наушника:

– Меня выдернуло из анабиоза, когда мы проходили по-
яс астероидов. Где-то на полпути. Сообщение о поврежде-
нии корпуса центрального сектора Ковчегга. Ознакомился,
все штатно: микропробоины, прочее по мелочи, разгермети-
зация пары отсеков. Отправил ботов на ремонт, проконтро-
лировал по подаче давления – все в норме. Внес пометки в
бортжурнал, сделал общее оповещение по секторам, не суть.

Снова улегся, – грустный вздох, – Тогда то я все и проморгал...

Он замолчал. Андрей спросил:

– Ну а дальше? Слушай, тут сухпай есть? Жрать охота.

– Да, внизу смотри, – Андрей выдвинул коробку снизу шкафчика, открыл – так и есть, сухпай. Достал галеты, смачно захрустел.

– Ну а дальше... – Джек говорил размеренно, будто обдумывая каждое слово, – Второй звоночек был буквально через полгода. Сработка по капсуле. Как раз в пробитом отсеке. На проверку не пошел. Может и к счастью. Не знаю как это погань поначалу разносилась. Посмотрел ситуацию по камерам. Ну и бота пригнал, через него тоже: там – разбитое стекло, причем изнутри, и капсула вся в слизи. Ну как в кино. Назад отмотал, посмотрел по записям... Там тварь вылезла – ну ни разу не колонист, знаешь, как мертвяк, только зеленый весь и идет в раскачку, чуть не падает, – снова вздох, – Отправил ботов, на зачистку. Потом еще и выжег там все к чертям на всякий случай. Капсулу эту, и вообще, где мертвяк прогулялся – везде боты с горелками прошли. Отсеки тоже заблокировал по воздушке и циркуляцию через фильтры дал, чтобы все говно выловить... Так... Согласно регламента разбудил команду биологической защиты. К ним еще двоих из спецреагирования. На всякий случай. Во-от, – пауза, – Сам снова в капсулу... Ну и по регламенту ответственность уже на них, меня больше не будило. Как-то

так, короче вышло...

– И? – Андрей отряхнул крошки, встал, спросил с ехидцей злой в голосе, – Все закончилось хорошо?

– Мы уже на орбите, Андрей. Плановая побудка. Проснулись и... и увидел вот это вот все. Ботов уже не было, все разнесены. Похоже твари поняли, что боты опасны. Команда моя... по журналу посмотрел, по записям... короче – там такой фарш. Жалко ребят... Один из спецов правда остался. Только он шарохался как неживой, от отсека к отсеку, к капсулам. Вскрывал и... Так это дело все и началось.

– И давно? Давно мы на орбите?

– Погоди, сейчас точно скажу. Сто сорок шесть лет

– Что?!

– Ну а ты думал... – вздохнул, – Периферийные сектора с колонистами – автономны. Им туда не добраться, шлюзы бронированные, открываются только с пультов рубок. Я думал выжрут они середняк, передохнут. Ну и отсеки заблокировал. Только им это не преграда оказалась.

– Вентиляция? – спросил Андрей.

– И вентиляция, и шахты коммуникаций. Ну вот. Выжрут и все. На посадку и наш сектор в жесткий карантин. Ну, что молчишь? У тебя другие идеи есть? Или сразу эту прикажешь с собой тащить?

– Да нет, я просто. Как то не хорошо, – вдохнул, но все же не стал говорить того, что крутилось в голове. Это хорошо, что выжрут они тут все, а после передохнут. Вот только

в безопасности, по большому счету, только ты сам Джек и был, а всех остальных – под нож. За себя, гад, за свою шкуру пекся.

– Ладно. Я так понял, что эта гадость прогрессирует. Развивается. Теперь твари... ну ты видел одну из них, теперь они подбирают более подходящие формы. И зараза теперь не воздушно капельным, а через именно внедрение, они как хобот такой в тело всаживают – это уже все, это передача. Но в основном они жрут, вскрывают капсулы и жрут. Я не биолог, но понимаю так, что твари пытаются себе максимальный срок жизни на консервах устроить. В общем, просыпаюсь каждые двадцать пять лет, смотрю, что да как и снова на боковую, – грустный смешок.

– И как мы тогда с тобой совпали?

– Обращение от тебя. Побудка. И вот я здесь.

– А что сразу не рассказал, молчал...

– А кто тебя знает, кто ты, что ты? Камера в твоём отсеке тю-тю – сдохла давно. Тварь ты, человек? Я ж не знаю, – замолчал, сказал, – Там, кстати, эта гадость свалила. Подожди, – слышался стрекот клавиш, надо полагать перещелкивал камеры, – вроде ушла. Коридоры чистые, отсеки пустые. Только сам понимаешь, всякие там коммуникации – это я не знаю.

– Идти?

– Как знаешь... Стой! Подожди...

Затрещало под ногами, Андрей почувствовал вибрацию

пола, заискрило где-то в подполье, потянулся дымок, запах-ло изоляцией, замерцало освещение.

– Вали! Вали оттуда! К лифтам!

Андрей вскочил, к двери, руку на панель, та пикнула, дверь стала открываться, но погас свет и створки разошлись лишь на чуть. Автоматически включился фонарь на груди, прорезая узким кругляшом света пространство оружейки.

– Заклинило, – ругнулся Андрей.

– Сейчас, – напряженный голос Джека, но ничего не произошло. Вместо этого тяжелый удар в пол, Андрей повернулся на звук, луч фонаря осветил вздыбленные плиты пола. Еще удар, плиты со скрежетом поднялись выше.

И он полез в щель, с трудом протискиваясь в ее узость, боясь застрять, а за спиной его следовали скорые, остервенелые удары один за другим, и сколько еще выдержит пол – тот еще вопрос! Выпал, вывалился наружу, и тут же, за ним, в дверь ударилось тело, Андрей оглянулся – тварь тянула к нему длинную, худую, будто сплошь сплетенную из сухожилий, руку, пыталась пролезть за ним следом, но широкая грудь не проходила. Костлявые, длинные пальцы с длинными когтями хватали воздух.

Вырвал пистолет из кобуры, навел на тварь...

– Беги, – раздался в ухе голос Джека, – там еще две! В лифт!

И Андрей побежал. За ним скрежетали раздвигаемые двери оружейки.

За секунды добежал до поворота к лифтовой площадке, там уже распахивается кабина, вот только... За площадкой, за парашютом ее высоким – огромная шахта, что проходит через все ярусы центрального сектора, и залита она красноватым аварийным светом, и видно, как через всю эту пропасть, по всем ярусам, будто жуткие пауки, тараканы, муравьи в муравейнике, ползут вниз сбегаясь такие же твари, как и та, что сзади. И уже один спрыгивает на площадку перед лифтом, на ходу Андрей стреляет, тварь отбрасывает белой вспышкой, но она тут же соскакивает, на четыре лапы, по змеиному водит головой. Андрей уже вкатывается, влетает в кабину лифта, тварь прыгает вперед – выстрел! Снова отбрасывает обратно, створки лифта закрываются и Андрей чувствует рывок – лифт идет вверх.

– Сколько их там?

– Я что, их счит...

Не договорил, удар сверху лифтовую кабину затрясло, заморгал свет, грохот осыпавшихся на крышу ударов оглушил, заскрежетал раздираемый металл.

– Сейчас, – голос Джека был наполнен паникой, она в нем плескалась. Створки дверей лифта стали раздаваться в стороны, прямо перед глазами Андрея – перекрытие пола: такие же гофрированные листы, в просветах которых видны трубы, провода и прочее, а еще – тварь в переплетении всего этого копошится, ползет вперед, к лифту. И сверху удары и скрежет не прекращаются, пробиваются внутрь. А ниже –

просвет, можно легко и быстро выскочить.

Андрей быстро глянул в открывшийся проход у ног, а после юрко выскочил в коридор. Побежал. В ухе заполошно говорил Джек:

– Сейчас налево. Третий отсек. Тут, – Андрей послушно свернул в распахнувшиеся створки, которые тут же за ним схлопнулись, – это техническое помещение. Тут, левее, – сзади в дверь уже ломились, – у стены лестница. Да не тупиты! За дверью!

Андрей увидел дверь, вполне себе обычную, на петлях, открыл.

– На случай отказа автоматики. Лезь!

Андрей глянул на хромированные перекладины лестницы, потом вниз – лестница уходила далеко-далеко вглубь, и терялась там в черноте, и вверх – там точно такая же бездна только в выси.

Уцепился за перекладины, полез. Лестница позвякивала под ботинками, но в остальном – пока было тихо.

– Долго? – спросил запыхавшийся Андрей, пот тек со лба в глаза.

– Семь ярусов осталось.

Снизу раздалось то ли шипение, то ли крик, то ли и то другое разом.

– Они?

– Наверное. Тут с камерами напряженка. Выбирайся.

Спрыгнул на очередном ярусе, такая же техничка, как и

там, где он залез на эту лестницу. К двери.

– Там тварь. В коридоре. Слева будет.

– Переждать?

– Беги! Они идут!

– Да что ж они такие организованные!

Выскочил в коридор, сразу влево выпалил два заряда, удачно – тварь кривлялась на полу, дергалась, но подняться никак не могла.

– Через нее и к лифтам.

– Да там же.

– Успеешь!

И снова бег по коридорам, снова лифтовая площадка и огромная общая шахта посередине, снова раскрытые створки, лифт, вверх.

– Разворошил ты муравейник, – усмехнулся Джек, – хорошо не видишь, что у меня на экранах творится.

– Ты бы и не говорил... – Андрей дышал тяжело, уперев руки в колени. Нет, после анабиоза, криозаморозки, или как она там правильно называется, такие нагрузки явно противопоказаны.

– Ярус управления. Готовься. Сначала прямо, потом через зал построения, там я тебе не помощник, камеры там не работают давно, потом... – начал напряженно говорить Джек.

– Потом подкажешь. Как там?

– Пока чисто. Ну это пока. Прилегающие поглядываю. Твою ж...

– Что? Что там?

– Они гасят камеры. Я не вижу что там!

– Ясно... – губы Андрея сжались в узкую ниточку, брови насуплены.

– Короче, ты там...

Двери лифта распахнулись, не дав Джеку закончить. Андрей рванул вперед. Долгий, длинный коридор, красное освещение, сумерки, толком ничего не разглядеть. Не таился, башмаки тяжело бухали об рифленый перфорированный пол, но он уже слышал, слышал как доносятся оттуда, от лифтовой площадки цокающие звуки о металл – бегут за ним.

– Ты где? В зале?

– Нет, – голос срывался на бегу, – еще...

Вылетел в зал, и если бы только мог остановиться, мог замереть в ужасе, он бы так и сделал, только этой возможности у него не было. Было чувство, что именно тут, в зале, вся эта рать тварей разместила свою столовку, кругом и всюду были обглоданные, обожранные тела, где высохшие, где свежие. Залитый кровью пол, а главное – это огромные, будто пульсирующие наросты по высоким его – зала стенам, они впитывали соки мертвецов, опутывали их своими корнями-пиявками. Теперь ясно, почему Джек давно не мог увидеть этот зал, они... оно... это нечто устроило тут свое лежбище, штаб квартиру. Ну и твари, конечно же твари. Кругом и всюду были они, выползали из за колонн наростов, спрыгивали со

стен, едва ли не с потолка, что уходил далеко-далеко ввысь, и Андрей, не останавливаясь, на бегу, открыл огонь.

– Ты где? – надрывался в наушнике Джек, а Андрей не мог ответить, он кубарем прокатился под тварью, что в прыжке пролетела над ним, отскочил в сторону, наотмашь резанув протянувшуюся к нему лапу виброножом, выстрелил, и снова уже бежал.

– Что там? – Джек кричал, – ты...

Андрей ничего не слышал, только стрельба, прыжки, удары ножом, бег, бег, бег... Удар в плечо, будто машина в него въехала, Андрей покотился по крови на полу, заскользил, как на катке, из уха вылетел, пропал в неизвестности наушник. Перекат, едва-едва разминулся с длинной, такой же заляпанной черной кровью, тварью – отмахнулся ножом, и с низкого старта дальше...

– За залом, налево, – раздалось, загромыхало в зале по громкой связи, – там караулка. Я открою шлюзы. Удачи...

Зал озарялся быстрыми вспышками выстрелов, его наполняла какофония из трескучего сипения, криков гортанных, воя, и все больше, больше тварей набегало со всех сторон, неслось от лифтовой площадки единой живой волной, и в нее, как ручейки к реку, вливалось все больше тварей с боковых ответвлений, из давно проторенных дорог по вентиляционным шахтам, по вскрытым перфорированным плитам пола, из коридоров...

Томительно тянулось время в рубке капитана, тишина из динамика коммуникатора давила, неизвестность пугала. Джек напряженно сидел на своем месте, ждал, вслушивался, смотрел в незрячие, показывающие только помехи, экраны. Только один экран светился изображением: тот, что показывал шлюз входа в капитанскую рубку. Там камеры были за армированными экранами, на случай взрыва, и смотрели они на такие же армированные, бронированные двери шлюза. Вход в первую шлюзовую камеру, предбанник перед входом в саму рубку. Желваки на сухом лице Джека вздувались, билась жилка на виске.

Он ждал, потому как больше ничего не оставалось, только ждать.

Отсветы вспышек на экране, где камера предварительно шлюза, взгляд Джека вцепился в изображение. Ждать, но не проморгать, не упустить момента, и вот он, Андрей. Весь комбез пропитан кровью, одна рука висит плетью, бежит, оставляя на полу черные, кровавые рубчатые следы подошв. Обернулся на бегу, вспышка, следом за ним катится, скользит по полу убитая тварь, уже бездвижная – хороший выстрел.

Палец Джека завис над кнопкой открытия шлюза, еще чуть, еще... Нажал и тут же снова по кнопке!

Андрей влетел, вкатился кубарем в распахнутый шлюз, и тут же створки за ним сомкнулись. Тяжелые удары снаружи. На экране было видно, как толпа тварей бьется, ломится в

прочные, бронированные створки, расползаются в стороны, пытаются вскрыть полы – ищут вход. Лязг и скрежет, вой, удары.

– Ты как? – по громкой спросил Джек.

– Живой... еще... – Андрей валялся на полу хватая ртом воздух.

– Ты долго, – напряженно сказал Джек.

– Задержали чуток, – на окровавленном лице Андрея появилась злая улыбка.

– Андрей, я серьезно, – в голосе стальные нотки.

– Я тоже, знаешь, как-то не шучу.

– Я тебе не могу доверять, – в голосе Джека звенела сталь, злость, – Ты должен меня понять.

– Я понимаю то, что сейчас сдохну тут нахрен. Истеку кровью. И еще... Еще, как по мне, – злая ухмылка растрескавшимися губами, – ты мне что то не договариваешь.

– Я все сказал, – он отключил связь. Андрей, разом потеряв всю свою прыть после долгой пробежки по коридорам, тяжело уселся, привалившись к стенке шлюзовой камеры.

– Эй, Джек, я знаешь, что понимаю. Ты, как-бы, в ответе за Ковчег и все дела. Я правильно говорю? Ты светоч там, голова, – Андрей закашлялся, отер рот рукавом, только вот зачем, все одно весь угваздан, – только, как по мне, это все не совсем правильно. Вас тут, имею честь, капитанов корабля, пруд пруди. В каждом из периферийных секторов минимум по одному найдется. Я верно говорю? И можно там это, ну

посоветоваться что ли. Я прав? Эй, Джек! Я прав?

– Да. Прав, – он все же включил связь.

– И? Чего не устроил созыв? Одна голова хорошо, десяток – тоже неплохо.

– Нас тут – почти пять миллионов, в нашем секторе всего семьсот тысяч, – голос Джека был злой, – как ты думаешь, какое решение будет принято?

– Не знаю... – он посмотрел в камеру, – Соберут шоблу, и пойдут к нам. С огнеметами, автоматами и прочей...

– Нас выпнут и, в лучшем случае, оставят на орбите, а в худшем – уничтожат. И то, и это – смерть.

– Жить хочется?

– Да.

– И мне хочется. А я тут... – он приподнял руку, и Джек только сейчас обратил внимание, на то, как расползается под Андреем лужа крови, – похоже скоро концы отдам.

– Тебя могли...

– И что? Я буду на тебя рычать, кидаться, – грустная улыбка, – ты все равно успеешь меня пристрелить.

– Ты не все знаешь.

– Чего я не знаю?

– Они могут быть... Могут быть не такими, как те – снаружи. Они еще могут быть очень похожими на людей и говорить здраво. Сохраняют поверхностные знания, если не копнуть, то... Андрей... Они развиваются. Мне иногда кажется, что это какой-то коллективный разум.

– Паранойей не страдаешь?

– Я видел... на записях.

– Что ж у тебя тут такой кабины то нет, как в оружейке.

– Всего не предусмотреть.

– Ну, а как я тебе могу доказать? А? Время то идет... –

снова закашлялся, усмехнулся, – Я тут, как бы, не молодею, а очень даже наоборот – подыхаю.

– Технические навыки, вспомогательные, которые не просто социальные – углубленные. По ним.

– Что я тебе, на пальцах тут курс должен просчитать? А? Я же штурман, как я тебе без таблиц и... – махнул рукой, и покачнулся от этого взмаха, свесил голову то ли от слабости, то ли от бессилия что-то доказать.

– Ладно. Только я тебя буду держать на прицеле. Не обес-
судь.

– Что? – вскинулся, посмотрел в камеру, – Не шутишь.

– Заползай.

Зашипели створки второго шлюза, разошлись в стороны, и Андрей увидел Джека, сухого мужчину средних лет. Он сидел во вращающемся кресле, лицо его серьезно, в руке пистолет, ствол смотрит черным зрачком прямо на него, на Андрея – точно в голову.

– Жду, – голос у Джека без эмоций, жесткий.

– Спасибо, – Андрей с трудом поднялся, заковылял, опираясь, оставляя за собой на стене кровавые отпечатки.

– Не торопись. В кресло второго пилота. Сюда, – кивок в

сторону на свободное место.

– А он где?

– В своей капсуле. Зубы не заговаривай.

Андрей все же проковылял до свободного кресла, бухнулся в него.

– Вот тебе все: данные радиолокации, данные по гравитационному развороту, таблицы по баллистическому спуску. Твори, – кивок в сторону расчетных планшетов.

– И что делать?

– Хотя бы посадку на Терру 21 нарисуй, – снисходительная усмешка, злая даже, как будто не соперничал совершенно. Ствол пистолета так и смотрел на него, рука Джека не дрожала.

– Это сейчас... Это... Ты хоть покажи эту Терру21.

– Не тяни время, а, ладно, – перещелкнул что-то на пульте, обзорные экраны вспыхнули, показывая такую знакомую, но в то же время такую другую планету. Почти такая же как и Земля. Такая же голубая, в такой же фате облаков, с полярными шапками, только материки на ней были совершенно другие, не знакомые, непривычно неузнаваемые.

– Красивая, – Андрей поерзал в кресле, будто усаживаясь поудобнее, Джек вскинулся.

– Руки, руки держи на виду!

– Не обгадья, – зло ощерился Андрей, – извини, левую не могу, больно.

– Ладно. Но без резких движений.

– Так, что у нас... ты бы так не сверлил, а? Не люблю работать, когда пьются.

– Простейшая задача, и так сделаешь. Тебя же гоняли на симуляторах.

– Гоняли, было дело... – вздохнул, продолжил правой рукой тукать по планшетам, – я тут кровью истекаю, ты бы меня хоть перевязал.

– Не смейся.

– Понятно, помирать буду в кресле, с удобствами, – снова поерзал, Джек сглотнул.

– Все! Готово! – радостно сказал Андрей, обернулся.

– Перекинь мне, проверю, – в голосе у Джека дрожало ожидание.

– Лови, – Андрей нажал на кнопку переброса данных в центральный расчетный модуль. Джек подался вперед, даже на экран толком не взглянул, и нажал на зеленый индикатор – «Выполнить», и тут Андрей вскинул ту самую – левую, как бы раненую руку. Три вспышки разряда, три выстрела. Джека отбросило в сторону, он захрипел, попытался выпрямиться, но Андрей не дал – рявкнули еще два выстрела.

Потом встал, упер ствол пистолета в голову уже мертвого капитана и снова выстрелил.

Только после этого он уселся в кресло, нашел самую большую красную кнопку на пульте, нажал. Сейчас во всех этих периферийных секторах должны запуститься механизмы по пробуждению ото сна их кепов, их Джеков. Андрей ждал.

Глаза слипались. Наваливалась слабость. Он почти уснул, когда по громкой спросили:

– Доложите ситуацию.

– Центральный сектор инфицирован какой-то гадостью. Капитан мертв. Давно. Похоже, что это какой-то коллективный разум. Я толком ничего не знаю. Проснулся как пару часов назад. Посмотрите записи боржурнала, – он глянул в сторону завалившегося на подлокотник Джека, который так и не выпал из кресла, да и не смог бы выпасть, он в него, в кресло – врос. Это было видно, если приглядеться: ростки тянулись из под самого пола – тоненькие, едва заметные. То, что все творящееся, было постановкой, что это игра кошки с мышкой, он стал догадываться еще когда полз по технической лестнице. Они... оно – вело его, подталкивало, направляло преследователями. Как-то все слишком гладко было: дозированность информации, погоня – ни секунды на размышление. Они будто знали то, что знали другие: бежали куда надо, когда надо – давали время на передышку. Время на то, чтобы сдружился, чтобы Андрей проникся словам Джека, да и специальность у него оказалась очень удачная, подходящая. Как раз, чтобы посадить Ковчег на Терру21, и единственное, что не было ложью – это то, что терялись приобретенные навыки, углубленные технические знания. Может не пропадали, может потяни они еще время – смогли бы проэволюционировать достаточно, сами дорваться до потаенного уголка знаний, а так... Потому то он и делал вид, что

левая рука ни к черту, и пистолет уронил очень удобно, когда в шлюз влетел, как раз под левую сторону, чтобы потом незаметно захватить с собой.

Оставалось ждать общего решения капитанов, может и правда, выпнут в далекий космос, на вечное плавание, может прямиком к местному светилу зафутболят. Это им решать, может и оставят, спасут, введут карантин... Может.

Но почему только один голос, почему спросил его только один... почему? Нет, это уже паранойя...

Думать было тяжело, слабость его все-таки одолела и он уснул.